

Рецензия
на статью Е. М. Амелиной «Управленческий идеал К. П. Победоносцева.
К. П. Победоносцев о Вл. Соловьеве»

Уже название статьи вызывает некоторое недоумение, поскольку в нем соединены две темы, не имеющие между собой никакой связи. Внимательное прочтение статьи не делает название более понятным, описание «управленческого идеала» и отношение Победоносцева к Вл. Соловьеву ничем не связаны в изложении, поэтому причины такого соединения остаются непонятными.

Если взять первую и основную тему статьи - «управленческий идеал» Победоносцева, то и по отношению к этой, основной теме возникает большое количество вопросов. Термин «управленческий идеал» (а имеется в виду управление государством) предполагает ясное описание некоторой программы мер и набора средств для управления государством. «Идеал» должен выглядеть предельно логичным и гораздо более последовательным, чем реальная практика управления. Поэтому в рамках поставленной задачи читатель предполагает найти в статье именно такую ясно изложенную программу или систему логично связанных принципов, характеризующую деятельность Победоносцева. Однако ничего похожего в статье не содержится. Здесь присутствует достаточно хаотичное и бессвязное изложение высказываний Победоносцева относительно истории, современного ему состояния России, критики либеральных мер по переустройству России — причем все эти высказывания носят чисто ситуативный характер и не складываются в какую-то систему и тем более в «управленческий идеал».

Если попытаться выделить те более или менее конструктивные «принципы», которые, по мнению Е.М. Амелиной, характеризуют стиль управления Победоносцева, то можно получить такой список:

«русский управленческий идеал должен иметь опекающую патерналистскую форму со стороны власти и выступать в традиционном облике» (стр. 6).

«воздействие, ставшее характерной особенностью управленческой деятельности Победоносцева, выразилось и в создании большого количества церковно-приходских школ, и в регулярном проведении массовых религиозных празднеств, и в оживлении интереса русского общества к памятным историческим годовщинам, отмечавшимся в традиционных российских центрах (публичные поездки царя во Владимир, Псков, Звенигород), и в поддержке консервативно ориентированных печатных изданий» (стр. 8).

«К.П. Победоносцев, тем не менее, дополнял свой управленческий идеал рядом корректирующих идей, восходящих к эпохе Просвещения. Это выразилось в его уважительном отношении к «правомерной» и надсословной монархии, то есть монархии стоящей над сословиями и открывающей путь наверх тем, кто выделялся образованием, а не знатностью рода» (стр. 10).

«В России, в отличие от Европы, считал он, государственное управление реализуется скорее через активность и ответственность людей, нежели через уважительное следование существующим уставам и формулам» (стр. 11).

«Старые учреждения можно и нужно наполнять новым содержанием и активными людьми. Власть должна хранить верность избранным формам жизни и принципам, обеспечивая стабильность общества» (стр. 11-12).

«Сам обер-прокурор был человеком глубоко и искренне верующим, досконально знающим все тонкости религиозного предания, православных традиций и обычаев. Огромная роль религии в социальной сфере была для него аксиомой» (стр. 13).

Все эти тезисы являются общими декламациями, ничего общего не имеющими с конкретной практикой управления. Изображать их как какой-то «управленческий идеал» - это совершать очевидное насилие над историческими фактами. Все содержательные фрагменты статьи дают изложение мер Победоносцева против любого рода изменений в государстве, а также излагают его критику любых форм обоснования таких изменений. Из статьи Е.М. Амелиной напрашивается вывод, прямо противоположный ее намерениям: совершенно очевидно, что не только никакого «управленческого идеала» не было у Победоносцева, но он даже не имел сколько-нибудь ясной программы управленческой деятельности, и все его действия были ситуативной реакцией запрещения и пресечения по отношению к любым

попыткам изменений. Этот вывод, в принципе, совпадает с традиционной оценкой исторической роли Победоносцева, но никакой значимости для науки управления эти выводы иметь не могут.

Вся первая часть статьи — это хаотичный набор биографических сведений о Победоносцеве и столь же хаотический набор его теоретических суждений, но никаких значимых теоретических выводов здесь не содержится. Е.М. Амелина пишет, что Победоносцев сформулировал «свою самобытную концепцию исторического развития России, свою философию истории» (стр. 5). Такого рода утверждения вызывают удивление. Ведь нельзя же считать «самобытной концепцией» убеждение Победоносцева в невозможности существования России без самодержавия и православной церкви. Ничего более содержательного среди идей Победоносцева, излагаемых в статье, нет.

Вторая часть статьи, посвященная истории взаимоотношений Победоносцева и Вл. Соловьева, также носит чисто фактологический, биографический характер и не содержит материала, необходимого для того, чтобы признать работу теоретически значимой. Неприятие Победоносцевым религиозной философии Соловьева носило характер инстинктивной реакции верующего человека против любых теоретических «умствований» в религиозной сфере. Это ясно даже по изложению Е.М. Амелиной. Но это означает, что Победоносцев в своей реакции ничем не отличался от простых необразованных верующих; это, с одной стороны, не делает чести государственному человеку и, с другой стороны, явно свидетельствует в пользу того, что его отношение к Соловьеву не имеет никакой теоретической значимости и не должно быть предметом работы, имеющей целью анализ каких-то философских проблем. Когда Е.М. Амелина указывает, что и последователи Соловьева — Е.Н. Трубецкой и С.Н. Булгаков — критиковали Соловьева, она допускает очевидную подмену понятий. Критика Трубецкого и Булгакова идей Соловьева носила как раз теоретический характер и была связана со сложной борьбой разных философских концепций. Это ничего общего не имеет с примитивной реакцией Победоносцева, не имеющей под собой ничего кроме обыденного невежества в области философских проблем.

Вызывает глубокое удивление и несогласие совершенно неадекватная оценка Е.М. Амелиной взглядов Достоевского. Она воспроизводит точку зрения Победоносцева, который считал, что взгляды Достоевского находятся в полном соответствии с официальным православием, и, видимо, полностью соглашается с этой точкой зрения. Такая оценка простибельна Победоносцеву, плохо разбирающемуся в философских проблемах, но она недопустима для современного исследователя, который претендует на взвешенную оценку мировоззрения великого писателя и мыслителя. Ничего общего с реальностью эта оценка не имеет.

В целом можно констатировать, что статья Е.М. Амелиной не решает той главной проблемы, которая задана ее названием — изложение «управленческого идеала» Победоносцева. Скорее статью можно считать краткой популярной биографией государственного деятеля, значимых теоретических выводов мы в ней не видим. Поэтому в существующем виде ее нельзя рекомендовать к публикации. Можно посоветовать автору ограничиться только первой из двух тем, соединенных в названии, и дать более точный теоретический анализ «управленческого идеала» Победоносцева, при этом необходимо убрать из текста все ненужные биографические и исторические подробности, уместные в учебном пособии, но не в теоретической статье.

После существенной переработки и сокращения статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Соловьевские исследования».

Доктор философских наук, профессор
профессор кафедры русской философии
и культуры Института философии
С.-Петербургского государственного
университета

*Документ подготовлен по личной
инициативе.
Текст документа размещен в
открытом доступе на сайте СПбГУ
по адресу <http://spbu.ru/ru/enciclopedia.html>*

Евлампиев

Евлампиева И.И.

Мининская Т.С.
15.05.2012